ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

Микояновский райком мирится с недисциплинированностью

Микояновский райком партии послал на время уборки и хлебозаготовок группу коммунистов для оказания помощи первичным парторганизациям и руководителям колхозов. Партийное поручение—знак доверия коммунисту, и оно должно быть выполнено. Но так уж повелось в Микояновке, что некоторые коммунисты проявляют вопиющую недисциплинированность.

Хлебозаготовки в районе идут медленно. Ежедневный график сдачи хлеба многие колхозы не выполняют. Обсуждая этот вопрос, бюро райкома ВКП(б) решило провести массовый воскресник по вывозке хлеба государству. Райком предложил коммунистам, посланным в села, добиться вместе с парторганизациями, чтобы в воскреснике участвовали все бригады и звенья.

Но как отнеслись к выполнению этого решения некоторые товарищи? Районный прокурор т. Мищенко не выехал в Долбинский сельский совет. Он отправился в этот день на рыбную ловлю. Между тем, Долбинский сельсовет один из самых отстающих по хлебозаготовкам. Колхоз «Ударник» этого сельсовета до 20 августа не начинал хлебосдачу. Колхоз «Вперед» срывает график вывозки хлеба изо дня в день. Колхоз им. Сталина не сдает хлеб с 4 августа. Сорвали эти колхозы и воскресник по вывозке хлеба.

Как же реагировал райком на вопиющую недисциплинированность коммуниста Мищенко? Секретарь райкома ВКП(б) т. Ворохобин слегка пожурил Мищенко, и тем дело окончилось.

Райком партии смирился с недисциплинированностью и многих сельских коммунистов—руководителей колхозов и сельсоветов. Колхоз «Победа» не сдает хлеб государству с 11 августа. Председателя этой артели коммуниста т. Сотникова пытались вызвать на бюро с об'яснением, но он не явился. Затягивает хлебосдачу колхоз «Путь к социализму». Председатель колхоза коммунист т. Яковлев должен был отчитаться перед райкомом о ходе заготовок. Но и он не явился на заседание бюро. И странно, райком никак не реагировал на недисциплинированность этих коммунистов.

Коммунист в эти дни должен напряженно работать на своем участке. Но некоторые коммунисты-руководители не чувствуют ответственности за порученное им дело. В крупном колхозе «Красный боец», где уборочная площадь равнялась 800 гектарам, Кировская МТС должна была убрать 200 гектаров комбайном, но комбайн не был прислан. С опозданием начала МТС здесь и молотьбу. Директор МТС т. Булавин не принимает мер к тому, чтобы наладить бесперебойную работу молотилок.

Райком ВКП(б) не пред'являет большевистской требовательности к партийно-советскому активу. Только поэтому многие коммунисты, посланные для организации хлебозаготовок, работают без напряжения, не чувствуют ответственности за выполнение серьезнейшего поручения райкома.

Надо быстрее покончить с недисциплинированностью среди партийного актива!

П. МИХИН,
корр. «Курской правды».

□ □

По следам выступлений „Курской правды"

„ЧЕМУ УЧИТ ТАКОЙ СЕМИНАР?"

В корреспонденции, опубликованной под таким заголовком (см. «Курскую правду» № 137), сообщалось о плохой подготовке и проведении Беловским райкомом ВКП(б) семинаров секретарей первичных парторганизаций. Бюро райкома признало критику правильной. Зав. оргинструкторским отделом т. Терещенко и зав. отделом пропаганды и агитации райкома тов. Сазыкиной предложено лучше готовить семинары секретарей парторганизаций, чтобы каждый семинар учил низовых партийных работников. Содержание семинаров теперь улучшилось. На недавно проведенном семинаре работники райкома ВКП(б) и специалисты сельского хозяйства прочитали интересные лекции и доклады. Участники семинара обсудили вопрос о том, как составить план работы первичной парторганизации. Секретарь парторганизации колхоза им. Сталина т. Авраменко выступил на семинаре с рассказом об опыте работы своей организации.

—о—

„КТО В КАСТОРНОМ РУКОВОДИТ ДОКЛАДЧИКАМИ?"

Под таким заголовком в «Курской правде» (№ 13[illegible]) была опубликована корреспонденция. Обсудив ее, бюро Касторенского райкома партии приняло меры к устранению недостатков в работе группы докладчиков.

Райком ВКП(б) лучше стал помогать докладчикам, усилил контроль за идейным содержанием докладов. За последнее время партийно-советский актив района прочитал для населения свыше 127 докладов на различные темы.

Райком организовал несколько докладов для партийно-советского актива, руководителей агитколлективов и работников культурно-просветительных учреждений.

ЧУВСТВО НОВОГО

На маленькой станции, что пристроилась к опушке соснового бора, в знойный летний полдень было тихо. Но вот у поворота дороги показался дымок, и спустя мгновенье из зеленой листвы деревьев вышел маленький мотовоз с платформами, наполненными торфом. Тяжело отдуваясь и методично постукивая, он остановился у станции.

— Посмотрим наше черное золото,—обратился Никитченко к товарищам и быстро зашагал к платформам. Секретарь партбюро Еременко и главный инженер Фролов шли сзади. Они только что осмотрели под'ездные пути станции и оживленно обсуждали предстоящий массовый прием сахарной свеклы—основного сырья завода.

— Торф, действительно, неплохой,—подтвердили они.

— Замечательный, — горячо поправил Никитченко.—Беда в том, что уж очень далеки карьеры, не управляемся с вывозкой.

— Не в том дело, директор,—вмешался в разговор рабочий с обветренным энергичным лицом.—Мы можем обеспечить завод топливом. Мы добыли его уже 14 тыс. тонн и ежедневно направляем вам по 16 вагонов. Но вагоны простаивают на территории завода сутками, и это срывает наш график.

— А вы, Разуменко, напишите-ка письмо транспортникам. Помните, я вам советовала,—сказала Еременко.—Вызовите на соревнование. Это, наверняка, заставит их подтянуться.

— Да мы так и сделали, Домна Дмитриевна. Вот передайте им наш вызов. Мы даже, как видите, и на платформах написали им о своей просьбе, чтобы помнили они.

На платформах и вагонах крупными буквами было написано: «Товарищи грузчики! Не задерживайте вагоны, направляйте их быстрее обратно. Общими силами обеспечим завод топливом».

— Хорошо,—ответила секретарь партбюро.—Мы вас крепко поддержим. Вечером соберем рабочих транспортного цеха, обсудим ваш вызов. Вагоны будут. Только сами не подкачайте, чтобы торф на погрузочной площадке всегда был. А как работают коммунисты?

— Коммунисты-торфяники дают самую высокую выработку.

Два года назад не было в «Коммунаре» ни этого узкоколейного пути, ни платформ, ни мотовоза. На подвозку торфа тратилась уйма средств и времени. Сотни лошадей колхозников, много машин работали здесь и все-таки цехи испытывали перебои в топливе. Тогда коммунисты приняли решение проложить к торфяным карьерам железнодорожную ветку.

По призыву партийной организации на строительство дороги выходили сотни людей, делали насыпь, укладывали шпалы, рельсы. Далеко от соснового бора отсвечивало зарево костров. Работать приходилось и ночью. Через три месяца шестикилометровая линия железнодорожного пути была закончена. В механическом цехе из старых изношенных частей собрали мотовоз.

Завод «Коммунар» построен более ста лет назад. В 1943 году он был сожжен и разрушен немецкими оккупантами. Усилиями рабочих в том же году удалось восстановить цехи, чтобы в них как-нибудь можно было работать. Тогда не думали об изношенности машин, собранных из некомплектных деталей, хотя, в буквальном смысле слова, крошились ветхие фундаменты паровых котлов, насосов и даже самого корпуса. Но фронту был нужен сахар, и завод стал выпускать его в первую же осень после освобождения района от оккупации.

А нынче, когда на колхозных полях вырос обильный урожай свеклы, и перед коллективом завода, его партийной организацией встала задача утроить производительность, ветхость оборудования заставила обратить на себя самое серьезное внимание.

— Давайте, соберем специалистов,—предложила секретарь партбюро,—посоветуемся, как обновить наш старый завод, как добиться, чтобы он работал не хуже передовых предприятий.

На совет пришли начальники цехов, сменные инженеры, химики, теплотехники. Они высказали много интересных предложений о том, как быстрее провести капитальное восстановление цехов, использовать опыт передовых заводов и творческую мысль стахановцев.

На другой же день по поручению партийного бюро коммунисты вывесили в цехах лозунги, призывающие рабочих стать рационализаторами производства. Инженеры направляли творческую мысль коллектива на «узкие» места.

— Товарищи рабочие,—говорилось в листовках,—мы обещали досрочно выполнить годовую программу, дать Родине 72 тысячи центнеров сахара сверх плана. Между тем, в свеклоочистительном цехе у нас велики простои аппаратуры, большие потери сахара в выпарной и фильтрпрессной станциях. Подумайте, как избавиться от них? Вносите свои предложения, как устранить эти недостатки, увеличить производительность оборудования и избавиться от потерь.

Мимо этих призывов не мог проходить спокойно большевик Иван Степанович Тесленко. Он высказал секретарю парторганизации свою новую мысль, которая вот уже несколько дней не дает ему покоя.

— Невыгодно завозить на завод электроды. Надо делать их у себя. Вот моя схема, мои расчеты.

Предложение Тесленко было проведено в жизнь. Оно сэкономило большие средства. Старший химик член партии Николай Харламович Кислых придумал способ снижения потерь сахара на фильтрпрессах, главный инженер Фролов предложил изменить конструкцию моечного цеха.

За последние два месяца дирекция приняла от рабочих, инженеров и техников больше 50 предложений. Почин одиночек превратился в массовое движение стахановцев — людей творческой мысли, передового опыта. Попробуйте побеседовать с ними. И каждый будет с увлечением говорить вам о переменах в цехах, о том, как строили новые торфяные бункеры, которых не было раньше, и новую сернистую печь, как механизировали подвозку топлива к котельному цеху, о новых гидравлических транспортерах и других усовершенствованиях.

Партийная организация подхватывает каждое ценное начинание и делает его достоянием масс. Она выступает против шумихи, которая губит живое дело. Когда в механическом цехе много говорили о борьбе за высокую производительность труда, но ничего не делали для подготовки рабочего места, это стало предметом обсуждения на партсобрании. Критикуя руководителей цеха, коммунисты требовали от них не только одобрять ценную инициативу, но и на деле бороться с трудностями.

Когда комсомольцы, взяв шефство над одним из цехов, не позаботились привести его в порядок, партийная организация внушила им, что у большевиков принято всякое хорошее дело обязательно доводить до конца. Сами коммунисты показывают коллективу во всем пример настоящей организованности и деловитости.

В нынешнем году в связи с уборкой обильного урожая окрестные колхозы не смогли послать на завод полностью требуемое количество рабочих. Подготовка к сезону сахароварения, капитальный ремонт—все предложения рационализаторов по внедрению передового опыта могли бы сорваться, если бы партийная организация не подняла заводской коллектив на самоотверженный труд.

В работе сахарного завода есть, конечно, и недостатки. Но коммунисты смело вскрывают их, настойчиво преодолевают трудности. Чувство нового, неподолимое стремление двигаться вперед — вот источник их творческого вдохновения.

М. ТУНГУСКОВА.
Сахкомбинат «Коммунар»
Беловского района.

Счастье

Петр ПАВЛЕНКО

В последних номерах журнала «Знамя» опубликован новый роман писателя П. Павленко «Счастье». Это яркое и талантливое произведение рассказывает о творческом труде советских людей.

Действие происходит в 1944—45 гг. в Крыму, куда приезжает герой романа коммунист, видный политработник, демобилизованный полковник Алексей Воропаев. Он болен туберкулезом. В боях потерял ногу. Мечта его—поселиться на берегу моря в маленьком домике и здесь обрести покой и счастье. Но счастье он нашел не в тихой, спокойной жизни, а в пламенном, беспокойном труде, в борьбе за счастье своего народа.

В первые же дни по приезде в Крым он отправляется пропагандистом в колхозы и здесь поднимает колхозников на ночной штурм, на перекопку виноградников. Потом он глубоко и настойчиво учит колхозников-переселенцев сознательному отношению к труду, помогает им в трудном сегодня рассмотреть свое лучезарное завтра.

Общение с народом, сознание плодотворности своей работы наполняют жизнь Воропаева новым глубоким смыслом.

Его окружают простые, но обладающие большими творческими возможностями советские люди: старик-кубанец Опанас Цимбал, потерявший на войне сына и внучку-партизанку, юные супруги Поднебеско, все богатство которых составляет лишь любовь друг к другу и беззаветная вера в будущее, Анна Ступина, испытавшая все ужасы фашистской неволи, бывший комбайнер Городцов, который после демобилизации приехал к родным-переселенцам и чувствует себя оторванным от родной почвы. Все эти люди на первый взгляд по-своему несчастливы, но все они на пороге к счастью, их сила—в сознательности, в идейности, в непреклонной воле к труду.

В Крыму герой книги Воропаев встречается с товарищем Сталиным, приехавшим на Ялтинскую конференцию. Сцена эта создана творческой фантазией писателя, но она очень верно и точно передает веру товарища Сталина в силу советских людей, его внимательность к человеку.

Ниже мы публикуем два отрывка из романа Павленко «Счастье», рисующие встречу полковника Воропаева с товарищем Сталиным.

Он увидел Сталина.

В светлом весеннем кителе и светлой фуражке Сталин стоял рядом со стариком-садовником у виноградного куста, вцепившегося узловатыми лапами в высокую шпалеру у стены. Глядя на Воропаева, он еще доказывал садовнику что-то, что их обоих — было видно—интересовало весьма.

—Вы попробуйте этот метод, не бойтесь, — говорил Сталин, — я сам его проверил, не подведет.

А садовник, растерянно и вместе с тем по-детски восхищенно глядя на своего собеседника, разводил руками.

— Против науки боязно как-то, Иосиф Виссарионович. При царе у нас какие специалисты были, а—воздерживались.

— Мало ли от чего они воздерживались,—возразил Сталин.—При царе и люди плохо росли, так что же—нам с этим считаться не следует. Смелее экспериментируйте! Виноград и лимоны нам не только в ваших краях нужны.

— Климат, Иосиф Виссарионович, ставит знак препинания. Ведь это нежность какая, тонкость, куда ее на мороз!—показывал он рукой на виноград.

— Приучайте к суровым условиям, не бойтесь! Мы с вами южане, а на севере тоже себя не плохо чувствуем,—договорил Сталин и сделал несколько шагов навстречу Воропаеву.

— Ах, боже ж мой!—прошептал садовник.

— Как делать глупости, так он впереди, а как отвечать за них,—так его с места не сдвинешь,—сказал Сталин, и Воропаев с ужасом увидел, что он идет к нему навстречу, протягивая руки и улыбаясь своей всепоглощающей улыбкой.—Рассказывали мне, что вы тут колхозы в атаку водите. Очень интересно, хотя и не совсем правильно, на мой взгляд.

Сталин поздоровался и, не выпуская руки Воропаева из своей, повел к столику и плетеным креслам, в одном из которых сидел Вячеслав Михайлович Молотов. К нему то и дело подходили дипломатические работники и что-то на ухо докладывали, и он отвечал вполголоса. Руки его были заняты бумагами. Он пожал плечами, извиняясь улыбкой за свою занятость.

Сталин был спокоен до неправдоподобия. Казалось, из всех интересов в мире его сейчас наиболее занимает воропаевская судьба и еще, может быть, белесо-синее небо, тепло прильнувшее к морю, на которое он, ласково щурясь, время от времени взглядывал.

Воропаеву показалось, что Сталин не постарел с тех пор, как он его видел в последний раз на параде 7 ноября 1941 года, но резко изменился в ином направлении.

Лицо его, все то же знакомое до малейшей складки, приобрело новые черты, черты торжественности, и Воропаев обрадовался, приметив их.

Лицо Сталина не могло не измениться и не стать несколько иным, потому что народ глядел в него, как в зеркало, и видел в нем себя, а народ изменился в сторону еще большей величавости.

Вячеслав Михайлович помог преодолеть смущение первых минут, и разговор стал общим.

— Мне рассказывали о вас, и на мой взгляд, вы хорошо поступили,—сразу же сказал Сталин, — что избрали себе районную деятельность. У нас еще, к сожалению, много таких людей, которые предпочитают быть чиновниками в Москве, нежели хозяевами на периферии.

Он взглянул на Молотова, и тот улыбнулся, точно зная, кого именно имеют в виду эти слова.

— Есть еще такие люди,—продолжал Сталин.—Но скоро их время кончится... Расскажите, какие нужды, по вашему мнению, самые неотложные? Не стесняйтесь, говорите.—Сталин поудобнее сел в кресло и протянул руку к папиросной коробке. Трубки почему-то не было с ним.

—Люди,—ответил Воропаев.—И в первую очередь—умные люди, товарищ Сталин.

Сталин негромко засмеялся, поглядывая на Молотова, и тот тоже улыбнулся.

— Умные люди везде нужны,—сказал Вячеслав Михайлович.

— Делать надо умных людей, товарищ полковник,—быстро и как бы приказывая, сказал Сталин, —делать самим на местах, не ожидая, пока они свалятся вам на голову из Москвы. Как же так? Нигде не сказано, что хорошие работники родятся только в Москве.

— Растут, конечно, и здесь, но медленно, а нужда велика, везде голо,—отвечал Воропаев, чувствуя, что в этом вопросе он не встретит поддержки Сталина.

— А как вы сами живете, не легко?—искоса взглянув, спросил Сталин, будто желая узнать не столько то, что ему самому уже хорошо известно, сколько услышать тон ответа.

—Не легко.

— Вот это хорошо, что попросту сказали. А то спросишь—как живешь? Замечательно, говорит, живу, а на деле выходит, что не каждый день обедает... Да, живем пока плохо, но скажите колхозникам—скоро все решительно изменится к лучшему. Вопросы питания страны партия будет решать с такой же энергией, как в свое время решала вопросы индустриализации. Все сделаем, чтобы люди начали хорошо жить. Лучше чем до войны. Расскажите о людях, кто они, откуда, что делают.

Воропаев на мгновение задумался, выбирая, с кого бы начать, но, видно, Сталину показалось, что Воропаев ищет формулировок, и он недовольно поморщился.

— Не ищите формулировок, дайте живые зарисовки. Мы уже сами как-нибудь сформулируем.

И Воропаев стал взволнованно рассказывать о всех, кто был ему близок,—о Викторе Огарнове, Паусове, Цимбале, о Марии Богдановне с ее детским санаторием, Аннушке Ступиной, о чете Поднебеско, Городцове, о всех тех, с кем он мечтал о будущем.

— А говорили, вам люди нужны!—удивленно сказал Вячеслав Михайлович.—Да у вас питомник. Мы сами у вас скоро начнем брать.

Сталин долго молчал, зажигая и раскуривая папиросу.

— Если таким, как эти Поднебеско,—тихо, точно самому себе, сказал он,—дать силу—хорошо шагнем... Или эта девушка Ступина... она на одной ненависти к немцам жизнь полнимет. Конечно, если эту силу верно направить. А Цимбала вы берегите, не давайте в обиду. Такие беспокойные старики нужны, их молодежь ценит... Ну, еще кто есть?..

И еще, и еще расспрашивал, задумывался, внезапно уходил в себя, точно сравнивая услышанное сейчас с услышанным ранее и определяя, где правда, и снова оживлялся, радуясь каждому новому имени.

Услышав от Воропаева о том, как тоскует Городцов по хлебу, как видит он во сне поля пшеницы до горизонта, встал и прошелся, раздумывая.

Воропаев тоже встал, не зная, следовать ли ему за Сталиным или остаться у стола, но Молотов сказал:

— Сидите. Иосиф Виссарионович любит походить, подумать.

Возвращаясь к столу, Сталин сказал:

— Тоска по хлебу—это хорошо. Это тоска по самому главному. Но виноград, инжир, яблоки—они тоже нужны. Вы ему скажите, этому Городцову... он человек военный, поймет, что вы тут вроде второго эшелона, резерв. С хлебом решим, за вас возьмемся.

Он оживился, вспомнив свой разговор с садовником.

— Вот садовник—сорок пять лет работает, а все науки боится. Это, говорит, не пойдет, другое, говорит, не пойдет. Бо времена Пушкина баклажаны в Одессу из Греции привозили, как редкость, а лет пятнадцать назад мы в Мурманске помидоры стали выращивать. Захотели—пошло. Виноград, лимоны, инжир тоже надо на север проталкивать. Нам говорили, что хлопок не пойдет на Кубани, на Украине, а он пошел. Все дело в том, чтобы хотеть и добиться. Вы ему так и скажите,—еще раз повторил Сталин.—Как он сказал, этот Городцов: вижу, говорит, во сне хлеб?

— Да. Вижу, говорит, во сне, как пшеницу убираю. Проснусь—плечи болят от работы и в комнате свежим зерном пахнет.

— А может, такого Городцова в степные районы на пшеницу бросить?—вдруг предложил Сталин.—Русский человек—хлебороб. Подумайте. Поговорите с вашим руководством. Ну, еще о ком расскажете?

Бесконечно взволнованный этим сжигающим душу разговором, Воропаев опустил руку в карман, вынес и вместе с платком вытащил и уронил наземь букетик утренних подснежников.

Провожатый, что был невдалеке, поднял их, и Воропаев снова опустил цветы в карман.

Сталин с любопытством глядел.

— Карманы, насколько я знаю, не для цветов,—сказал он уверенно.—Дайте ваши цветы. Вот мы как сделаем,—и присоединил их к огромному букету, стоящему на столе в широкой и низкой вазе.—Или, может быть, вы кому-нибудь их предназначили?

Воропаев рассказал о маленькой Твороженковой, о том, как она мечтала подарить эти цветы Сталину и как неожиданно сбылась ее мечта.

Сталин забеспокоился, чем бы ему отдарить Твороженкову и, вызвав кого-то, попросил принести несколько пирожных в специальной корзиночке.

Как только эта корзиночка была принесена, Воропаев попросил разрешения итти.

— Молодец, что так поступили, молодец, — сказал на прощанье Сталин.—Никого не слушайте, кто ругать будет. Чиновников у нас и так чрезвычайно много. Молодец, молодец!..

И прямо взглянув в глаза Воропаеву, как-то сверкнул липом, точно по лицу его промчался луч солнца.

* * *

Слухи родились быстро. Дня через три к Воропаеву примчались Цимбал с Городцовым, сообщив, что Огарновы, Юрий Поднебеско и Ступина едут с попутным грузовиком. Гости не сообщали о цели своего приезда, но их серьезный, взволнованный вид многое об'яснил.

Ступина вломилась в комнату, едва дыша. Она не поздоровалась, а, прижав руки к горлу, остановилась в дальнем от лампы краю комнаты. Варвара, о чем-то бойко рассказывавшая еще на лестнице, вошла на цыпочках, поскрипывая новыми полуботинками. Юрий и Виктор Огарнов молча кивнули Воропаеву, будто пришли не в гости, а на заседание.

Никто не разговаривал. Все ждали, чтобы Воропаев заговорил.

Воропаев сидел за письменным столом, наблюдая за лицами.

— Я расскажу вам удивительный случай из моей жизни,—начал он.—На-днях мне выпало счастье быть вызванным к товарищу Сталину. Я вышел, когда он заканчивал разговор со стариком-садовником...

— С Иван Захарычем?—перебил Цимбал.—Ну-ну!

— Не знаю, как его зовут. Вхожу я—от волнения сначала не могу увидеть Сталина.

— Стоп, стоп, стоп!—Городцов остановил его движением руки.—Рассказывай толком, Алексей Вениаминыч, как я рассказываю. Где дело было? Присутствовал кто?

— Да какое это имеет значение, где было! Ты за главным следи.

— А чтоб я знал, где главное, ты обо всем сообщай.

В комнате стихло. Гости встали со своих мест и окружили Воропаева.

Он вышел из-за письменного стола и остановился посредине комнаты.

— Сталин о чем-то беседовал с садовником, рекомендовал ему какой-то способ культуры или прививки, а тот возражал, говоря, что климат наш многого не позволит.

Цимбал попробовал что-то заметить, на него цикнули.

— Товарищ Сталин рекомендовал ему смелее экспериментировать, не бояться науки.

— Ясно, Иван Захарович был,—теперь как бы точно удостоверившись в том, кто был собеседником Сталина, и недовольный этим, сказал Цимбал.—Сорок лет в жмурки с природой играет.

— А потом товарищ Сталин заговорил со мной, слегка пожурил за штурмовщину...

— Значит, уже доложили,—с гордостью за точную работу аппарата заметил Городцов.

Воропаев побагровел.

— Дадите вы мне рассказать или нет?

— Давай, давай... Только ты, как мина замедленная, только нервы вымотал. Складней рассказывай!—Городцов вытер платком пот со лба.

— ...пожурил за штурмовщину, потом стал о людях расспрашивать, кто у нас тут, как работает, кто такие. Да отодвиньтесь вы маленько, что вы сгрудились... Я рассказывал о всех вас.

Все молчали, глядя на него и не дыша.

— Я рассказал о Цимбале...

— Сталину? — переспросила Ступина.

— ... о тебе, Юрий, и о Наташе, о тебе, Городцов, о тебе, Виктор, и о тебе, Аннушка. О том, как тяжело вам и как много делаете вы, как побеждаете трудности, как строите жизнь...

Гости молчали.

— Рассказал я, как ты пшеницу во сне видишь, Городцов.

—О, господи, что же это вы, товарищ Воропаев... язык-то у вас как повернулся... А он что?

—Он прошелся, подумал, говорит—это тоска по главному, по большому. Велел передать тебе, что мы тут второй эшелон, резерв. С хлебом решится, за нас возьмутся. А если, говорит, тяжело будет Городцову, перебросьте его в степь, на пшеницу.

Аннушка Ступина вышла из темного угла и, раздвинув столпившихся вокруг Воропаева, стала перед ним, бледная и молчаливая. Она ничего не могла спросить, она просто ждала, что падет ей на долю.

Воропаев обнял ее за дрожащие плечи.

—А о тебе я рассказал, как ты прошагала Европу, как сражалась с немцами в лагерях, какую святую ненависть к врагу пронесла через все испытания. И он...

—Сталин?—спросила она одними губами.

—Да. Он сказал—если одну ненависть этой Ступиной...

—Так и сказал: Ступиной?

—Да. Если одну ненависть этой Ступиной направить по верному пути—горы, говорит, можно свернуть.

— Правильно. Могу. Это он верно сказал. И прозвал меня по фамилии?!

Она бросилась на шею Воропаеву и, обнимая его, заговорила:

—Ну, зачем вы про меня рассказывали? Как же мне теперь жить? А?

—То есть как это?—Воропаев не понял ее волнения.

—Как же мне теперь жить? Сталин сказал, что Ступина горы может сдвинуть... А я—сдвинула? С головой вы меня выдали! Жила себе, никто не знал, и вдруг—вспомнит когда-либо товарищ Сталин: а что эта Ступина Анна, как она там, проверьте, скажет он... Ой, аж страшно мне!.. Может, конечно, он и забудет обо мне, а вдруг—не забудет. Я ж теперь навеки покоя лишусь.

— Погоди, дочка, мы все покоя лишились от этого разговора. Выкладывай, Вениаминыч, все до последнего слова.

Воропаев стал передавать слова Сталина о том, что вопросами питания правительство займется, как в свое время занимались промышленностью, что трудности временны и нужно думать, как им тут поднять все виды хозяйства.

Городцов слушал, недовольно морщась.

—Как в окружение попели, честное слово. В трудное положение ты нас поставил,—сказал он, когда Воропаев закончил рассказ. —Что добрым словом помянул, за то, конечно, спасибо, а что перехватил—это перегиб. В самделе, даст приказ проверить... а у нас что?.. Вот же ты какой человек, Алексей Вениаминыч, неосторожный.

—Да, поагитировал,—согласился с Городцовым и Цимбал.— Теперь хоть через себя перепрыгни, а показатели надо дать.

Они вздохнули, Виктор Огарнов добавил:

—Вроде как получили награду, а за что—неизвестно.

—А какие там эксперименты этот Иван Захарыч производит?—спросил Юрий.—Надо нам этого Ивана Захарыча потрясти за душу, выяснить, какой ему совет дан. Старик жадный. Вчера я его видел—слова мне не сказал.

—Скажет он тебе! А ведь, чорт лысый, сам ни за что с делом не справится,—и Цимбал сказал Городцову:—Поедем к нему?

—Обязательно,—ответил тот.—Надо сразу хвататься за практический предмет. Поехали.

Аннушка Ступина тоже решила ехать со всеми, хотя Лена ее удерживала.

—Нет, нет, я тоже поеду, я не могу,—настаивала Аннушка.—Я какая-то другая стала, Лена, вы знаете. Я сразу какая-то большая стала, будто меня на ответственное место определили. Нет, нет, я ни за что не останусь, как же так,—и первая выбежала из комнаты во двор.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ВРЕДНОЕ ЗУБОСКАЛЬСТВО ВМЕСТО СЕРЬЕЗНОЙ КРИТИКИ

Уборка урожая и хлебозаготовки для партийных организаций, для всех колхозных кадров являются нерлодом наивысшего напряжения сил. В борьбе за хлеб, за досрочное выполнение обязательств, данных товарищу Сталину, большую роль призваны сыграть районные газеты. Их долг—из номера в номер освещать работу колхозов в эти боевые дни, широко показывать опыт передовиков хлебозаготовок, во-время подмечать отставание и помогать райкомам и райисполкомам подтягивать отстающих.

Не так поняла свою задачу конышевская газета **«Знамя колхозника»**. Она по-настоящему не раз'яснила колхозникам огромное значение хлебозаготовок, не освещала опыт передовых артелей, серьезно и по-деловому не критиковала тех, кто вольно или невольно срывал обмолот и задерживал сдачу хлеба государству.

Благодушное настроение газеты продолжалось до августа, когда стало очевидным отставание районов с хлебопоставками. После этого газета «перестроилась». На ее страницах запестрели заголовки «Нерадивые люди», «Нерадивый завхоз», «Люди с нечистой совестью» и т. д. и т. п. Под этими крикливыми заголовками газета, однако, не вскрывала действительных причин отставания колхозов с хлебосдачей, не показывала ошибки руководителей отстающих колхозов, не учила, как исправить положение, как помочь району быстрее выполнить план хлебозаготовок.

Вместо того, чтобы быть организатором большевистской борьбы за хлеб и на конкретных примерах подсказывать колхозным кадрам, как надо преодолевать отставание, газета занялась зубоскальством, охаиванием людей, всячески злорадствуя в этом. В номере от 10 августа газета сразу в нескольких материалах обрушилась с грубой бранью по адресу председателей колхозов, называя их «болтунами», «разгильдяями». Кстати, ни в одной из этих крикливых заметок не разобраны действительные причины отставания, газета и не пытается давать советы колхозникам.

В следующем номере редактор газеты тов. Тилинский вновь обзывает группу председателей колхозов «делягами», придумывает нелепое словечко «атмосфероведы», адресуя его нескольким председателям артелей. «Кое-кто пытается прикрыться красивыми фразами,—пишет газета,—пустить пыль в глаза, а затем, как рак, отползти от своих обещаний». Об одном председателе колхоза газета говорит так: «распетушился», «он выглядит сейчас мокрой курицей». «он плаксивым голосом сообщает».

17 августа газета обвиняет большую группу председателей колхозов в «самодурстве», даже не пытаясь подкрепить это обвинение сколько-нибудь вескими доказательствами.

В материалах о колхозных кадрах газета избрала тон, чуждый большевистской печати. Некоторые заметки вообще написаны настолько развязно и пошло, что появление их в печатном органе недопустимо.

Непартийное отношение к кадрам не могло не привести газету к серьезным политическим ошибкам. В номере от 17 августа газета опубликовала корреспонденцию, в которой грубо унижает достоинство советского человека. 10 августа в заметке «Пусть сами молотят» редакция допустила политически вредное высказывание.

Учить и воспитывать кадры в духе большевистской требовательности, в духе честного выполнения обязательств перед государством—это не значит глумиться над советскими людьми. Но редактор газеты «Знамя колхозника» не понимает этого.

Странно, что Конышевский райком партии до сих пор мирится с недостойным большевистской газеты поведением своего органа.